

Н.К. Онипенко
Россия, г. Москва

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВВОДНЫХ СЛОВ И ПОНЯТИЕ ИЛЛОКУТИВНОЙ СВЯЗИ

Для слов, которые в толковом словаре имеют помету *вводн.*, возможны четыре синтаксические функции: (1) парентетическая (по которой данные лексемы и получили свое терминологическое обозначение в русской синтаксической традиции), (2) диалогическая (ответная реплика согласия или несогласия), (3) рамочная (как часть сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным) и (4) межпредикативная (в качестве конкретизатора при сочинительном союзе). Вот примеры на эти четыре функции для слова *точно*: (1) *Чичиков заметил, что это, **точно**, случается и что натуре находится много вещей, неизъяснимых даже для обширного ума* (Н.В. Гоголь); (2) *«Итак, это Фрауенберг?» — «**Точно**»* (Н.М. Карамзин); (3) *Это **точно**, что нельзя предугадать-с* (Ф.М. Достоевский); (4) *...я вообразил, что нашёл Гетеву Миньону, это причудливое создание его немецкого воображения, — **и точно**, между ими было много сходства: те же быстрые переходы от величайшего беспокойства к полной неподвижности, те же загадочные речи, те же прыжки, странные песни* (М. Ю. Лермонтов).

Предметом обсуждения в настоящей статье будет четвертая функция вводных слов, то есть та их синтаксическая позиция, в которой вводные слова соединяют функцию модусного предикатива и средства формирования синтаксической связи.

Лингвисты давно обратили внимание на регулярное взаимодействие вводных слов и сочинительных союзов. Так, портал «Грамота.ру» в алфавитном списке вводных слов дает следующие соединения их с союзами: *а быть может, а вернее, а вернее сказать, а впрочем, а главное, а значит, а лучше сказать, а между прочим, а может быть, а наоборот, а например, а следовательно, а точнее, и вообще, и кроме того, и лучше того, и наоборот, и однако, и правда, и таким образом, и того лучше, и того хуже, и хуже того*. При этом не упоминаются такие соединения, как, например, *и конечно, и действительно, и точно, и верно*. Но именно эти соединения активно используются в синтагматической прозе XIX века как средства связи предложений, соотнесенных с разными субъектами сознания и речи, вводные слова во взаимодействии с союзом *И* выполняют связующую функцию и в рамках сложного предложения, в рамках текста.

В статье пойдет речь только об одном союзно-модусном соединении — *и точно*, которое неоднократно встречается в прозе XIX в., в том числе в прозе М.Ю. Лермонтова. Но прежде чем приступить к анализу текстов, необходимо обсудить проблему терминологии. В современном синтаксисе для интерпретации подобных средств используются термины *присоединение* и *иллокутивная связь*.

Известно, что сочинительный союз *И* кроме прототипического

соединительного значения имеет и значение присоединительное. Присоединение как тип связи неоднократно рассматривался и в поэтике (В.В.Виноградов), и в системной грамматике (Л.В. Щерба), и в экспрессивном синтаксисе (Ю.В. Ванников, А.П. Сквородников), и в структурно-семантическом синтаксисе (В.З. Санников).

В.З. Санников [Санников 2008], вслед за Л.И.Иорданской, интерпретирует нетривиальные значения союзов в связи с понятиями иллокутивная функция союза и иллокутивная конструкция. Полемизируя с Л.Н. Иорданской, В.З.Санников предлагает свою интерпретацию иллокутивных конструкций: он восстанавливает в этих конструкциях речевые глаголы (вербализованный модус – по Ш. Балли), что становится основанием для отнесения иллокутивных конструкций к разряду эллиптических: *Пока не спишь, [спрошу]: куда ты положила словарь? Если ему нужно будет позвонить [учти, что] телефон в соседней комнате.* В главе об иллокутивных употреблениях союзов В.З. Санников пишет: «Начинается, как это нередко бывает в русистике, с Виктора Владимировича Виноградова». Однако при решении вопроса о разграничении сочинения и присоединения он не обращается к работам В.В. Виноградова и сводит понятие присоединения к концепции Ю.В. Ванникова, т.е. к проблеме актуального членения, парцелляции, договаривания, или «дополнительных непреднамеренных элементов». Поэтому вне поля зрения В.З. Санникова оказывается материал, рассмотренный В.В. Виноградовым в статье «Стиль «Пиковой дамы» в связи с понятием субъектной сферы, соотношением субъектных сфер и «сдвинутых конструкций». Из сферы внимания В.З. Санникова исключается и тот материал, который свидетельствует о намеренной тактике «соединения несоединимого». Намеренное соединение несоединимого обсуждается в разделе о языковой игре (*Я потерял на одной неделе жену и зонтик – с. 559*). Но свести пушкинские примеры (*она разливала чай, и ...; она вслух читала романы, и...*) к языковой игре было бы ненужным упрощением. Есть смысл рассматривать присоединение как текстовое явление, обусловленное грамматикой точки зрения, и не ограничивать прагматику союза традиционной целью высказывания.

На уровне текста присоединение — это связь между двумя текстовыми фрагментами (композитивами), различающимися либо типом модуса, либо взадельцем модуса, либо и тем и другим одновременно. Это значит, что союз появляется на монтажном шве, например там, где соединяется слово героя и слово рассказчика:

(1) *Печорин смотрел на него с холодным любопытством и наконец сказал: — Ваши рассуждения немножко длинны — назначьте час — и разойдемтесь: вы так кричите, что разбудите всех лакеев: — и точно, некоторые из них, спавшие на барских салонах в коридоре первого яруса, начали поднимать головы...* (М. Ю. Лермонтов);

(2) *Мы поедem завтра в монастырь, Юрьюшка, — сказала она вошедшему сыну; — Борис Петрович еще долго пропорскает... куда я рада, что ты не в него! .. И точно: предпочитая своей Наталье Сергевне медведей и собак,*

почтенный помещик не слишком льстил ее самолюбию (М. Ю. Лермонтов);
(3) "— "Прелесть! — отвечал он. — А как её зовут?" — "Её зовут Бэлою", — отвечал я. И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза чёрные, как у горной серны, так и заглядывали нам в душу (М. Ю. Лермонтов).

Связь между композитивами осуществляется посредством модусных составляющих.

Если рассматривать минимум две предикативных единицы с точки зрения соотношения модуса и диктума, то можно увидеть три варианта комбинаторики модуса и диктума:

1 вариант: один модус (невербализованный), 2 диктума, где диктальные части соединены союзом - (М)- Д₁ и Д₂:

2 вариант: 1 диктум и 1 вербализованный модус; М – Д

3 вариант: 2 невербализованных модуса и 2 диктума, которые объединяет союз - (М₁)Д₁ и (М₂) Д₂.

Третий вариант принадлежит уровню тактики текста. Он может реализоваться бессоюзным вариантом, подчинительным союзом (см. об этом [Ярыгина 2003]) и сочинительным союзом. В этом случае сочинительный союз «соединяет несоединимое», то есть мы имеем дело с той синтаксической связью, которую в традиции называют присоединением, а в более поздней терминологии «иллокутивной связью».

Что значит «соединяет несоединимое»? И какой вклад в эту связь вносит вводное слово.

Сочиненные конструкции с союзом «И» и вводным словом в качестве конкретизатора или «модификатора» значения союза образуют три семантических типа взаимодействия.

Тип 1. В высказывании «*Скоро выглянуло солнце и, точно, все вышли в сад*» модусный предикатив слово легко можно удалить из предложения; первое и второе событие связаны друг с другом — второе является следствием первого. Парентетическая позиция модусного слова никак не связана с союзом, в этом типе синтаксических конструкций оно не выполняет структурно-синтаксической функции и является, если так можно сказать, «истинно вводным». Однако, будучи помещенным во вторую часть предложения, вводное слово осложняет субъектную перспективу высказывания: вводное слово превращает *И* соединительное в *И* присоединительное, оказывается средством обнаружения Я рассказчика.

С точки зрения субъектной перспективы вводное слово вносит в высказывание точку зрения автора-повествователя (создает модус второй части высказывания), в диктальном плане высказывание остается прежним. Схематически записать это можно так: Д₁ и, М, Д₂

Тип 2.:

- ♣ *Отец и педагог были оба недовольны Сережей, **и действительно**, он учился очень дурно. Но никак нельзя было сказать, чтоб он был неспособный мальчик. Напротив, он был много способнее тех мальчиков, которых педагог ставил в пример Сереже. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1875)]*
- ♣ *Сережа не любил ходить на каток, и **точно**, он выглядел на коньках очень неуклюжим.*
- ♣ *Ваня перепугался, бросился бежать, и **самом деле**, заблудился.*
- ♣ *Мама ругала Ваню, и **действительно**, у него все сыпалось из рук.*

Соотношение модусов в том тексте можно схематически изобразить как (M1)—Д1, и действительно —Д2. В первой части у нас есть невыраженный специальной конструкцией модус, во второй — эксплицитно выраженный модусным предикативом. Однако сказуемое в первой части должно содержать ментальный или речевой компонент в семантике. Ситуация, выраженная в первой части сложного предложения, находит подтверждение во второй части. При этом она получает объяснение через знание автора-повествователя. Можно сказать, что в этом случае союз+вводное слово выполняют функцию союзов «да, но».

Что будет, если убрать из этих предложений вводное слово?

*Отец и педагог были оба недовольны Сережей, **и** он учился очень дурно.*

Смысл изменился: теперь из высказывания следует, что неудачи Сережи в учебе обусловлены плохим отношением к нему отца и педагога. Мы получили схему: Д₁ **и** Д₂. Без вводного слова формируется связь следования — обычный семантический вариант сочинительного союза «и», где в первой части представлено основание, во второй — следствие. Так, если мы поменяем местами части сложного предложения, мы получим следующее: *Сережа учился очень дурно, и отец и педагог были оба недовольны.* (Плохие успехи Сережи — причина, недовольство отца — следствие).

Таким образом, модусный предикатив занимает фиксированную позицию в линейную последовательности предикативных частей, и без него высказывание получает другой смысл, формирующийся основной семантикой союза. Отсюда

вытекает и интонационный акцент на вводном слове, т.к. оно становится значимым. Можно говорить, что здесь реализуется иллокутивное соединение частей сложного предложения – по воле автора, формирующего причинно-следственную зависимость частей. Это тот вариант союза «и», который описывается в грамматиках как «присоединительный».

Тип 3.:

(1) *Серезжа боялся собаки, и действительно, собака была очень страшная.*

Если убрать вводное слово, то в результате получится бессмысленный текст: * *Серезжа боялся собаки и собака была очень страшная.*

С точки зрения соотношения семантики в частях сложного предложения здесь ситуация, как и в типе 2: результат в виде эмоций — и его обоснование (причина). Схема та же, что и во 2-м типе: (М1)—Д1, и действительно —Д2. Но есть отличия. Что же отличает тип 3 от типа 2? Возможно, то, что страх Серезжи никак не может повлиять на «образ собаки», в отличие от ситуации, когда плохое отношение к ребенку отражается на его учебе (*Отец и педагог были оба недовольны Серезжей, и он учился очень дурно*). Ситуация 2 складывается в обе стороны, меняя причину и следствие, а в ситуации 3 возможна только одна направленность:

(2) *Собака была очень страшная, и Серезжа ее боялся.*

Этот вариант первичен. Ситуация 1 есть причина ситуации 2, что выражено союзом «и». Какие же механизмы требуют модусного предикатива, введенного в линейную последовательность предложения? Возможно, роль модусного предикатива с семантикой «истинности» здесь в том, чтобы подчеркнуть специально обоснованность эмоций персонажа. В примере (2) возможны 2-го типа интерпретации: с точки зрения рассказчика и с точки зрения Серезжи. Во втором случае мы не знаем, точно ли стоило так бояться собаки или она только казалась страшной Серезже.

В примере (1) – соединяются две точки зрения. Это четко видно, если убрать из высказывания союз (в результате получим два предложения): *Серезжа боялся собаки: действительно, собака была очень страшная.*

Преобразование с вводным словом придает однозначность ситуации: автор подтверждает, что эмоции героя обоснованы.

Здесь «и действительно» объединяется с союзом и образует более сложную синтаксическую конструкцию, которая соединяет две пропозиции связью обоснования.

Перед нами монтажный шов, т.е. стык двух модусных планов и, как правило, двух субъектов сознания. Вводное слово в данном случае является показателем смены модуса, оно переносит читателя из одного модусного плана в другой. При этом синтаксические отношения устанавливаются не между собственно пропозициями, а между модусами предикативных частей.

В отличие от канонических сложносочиненных предложений, которым не свойственно жестко закрепленное местоположение предикативных частей (в этом и состоит тест на обратимость, сформулированный А.М. Пешковским), в конструкциях рассматриваемого типа соположение частей фиксировано: модусный предикатив находится во второй части полипредикативной конструкции или в постпозитивном высказывании в тексте.

Таким образом, соединение союза *И* и модусного предикатива допускает потенциально три типа соотношений:

(1) союз свободен от модусного предикатива; модусный предикатив не занимает фиксированной позиции при союзе и имеет возможность двигаться, то есть является вводным словом; вводное слово может быть опущено без изменения смысла полипредикативного предложения;

(2) модусный предикатив занимает фиксированную позицию при союзе, хотя есть семантическая возможность употребления союза без модусного предикатива, но при опущении модусного предикатива изменяется смысл высказывания (выражаются другие синтаксические отношения);

(3) модусный предикатив занимает фиксированную позицию при союзе, при опущении модусного предикатива предложение становится бессмысленным.

Три указанных варианта выделены дедуктивно. Реально существуют два – первый и третий: **нефиксированная**, парентетическая позиция (собственно вводное слово) и **фиксированная** относительно союза позиция.

Приведем примеры¹:

1 Пунктуация дана в том виде, в котором она зафиксирована в Национальном корпусе русского языка.

И+модусный предикатив (нефиксированная, парентическая позиция, собственно вводное слово):

(1) в повествовании от 1-го лица:

Третий звонок. Входит молодой доктор в новой черной паре, в золотых очках **и, конечно**, в белом галстуке. Рекомендуются. Прошу садиться и спрашиваю, что угодно. Не без волнения молодой жрец науки начинает говорить мне, что в этом году он выдержал экзамен на докторанта и что ему остается теперь только написать диссертацию. [А. П. Чехов. Скучная история (1889)] – в тексте перволичного нарратива, в условиях репродуктивного регистра модусный предикатив обнаруживает присоединительную семантику союза.

А лошадь его славилась в целой Кабарде, — и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаром ему завидовали все наездники и не раз пытались её украсть, только не удавалось. (М. Ю. Лермонтов)

Посмотрите, — прибавил он, указывая на восток, — что за край! И точно, такую панораму вряд ли где ещё удастся мне видеть: под нами лежала Койшаурская долина, пересекаемая Арагвой и другой речкой, как двумя серебряными нитями; голубоватый туман скользил по ней, убегая в соседние теснины от тёплых лучей утра; направо и налево гребни гор, один выше другого, пересекались, тянулись, покрытые снегами, кустарником; вдали те же горы, но хоть бы две скалы, похожие одна на другую (М. Ю. Лермонтов)

При повороте встретили мы человек пять осетин; они предложили нам свои услуги и, уцепясь за колёса, с криком принялись тащить и поддерживать наши тележки. И точно, дорога опасная: направо висели над нашими головами груды снега, готовые, кажется, при первом порыве ветра оборваться в ущелье; узкая дорога частью была покрыта снегом, который в иных местах проваливался под ногами, в других превращался в лёд от действия солнечных лучей и ночных морозов, так что с трудом мы сами пробирались (М. Ю. Лермонтов)

Наконец я ей сказал: "Хочешь, пойдём прогуляться на вал? погода славная! "

Это было в сентябре; и точно, день был чудесный, светлый и не жаркий; все горы видны были как на блюдечке. (М. Ю. Лермонтов)

Правильный нос в России реже маленькой ножки. Моей певунье казалось не более восемнадцати лет. Необыкновенная гибкость её стана, особенное, ей только свойственное наклонение головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отлив её слегка загорелой кожи на шее и плечах и особенно правильный нос — всё это было для меня обворожительно. Хотя в её косвенных взглядах я читал что-то дикое и подозрительное, хотя в её улыбке было что-то неопределённое, но такова сила предубеждений: правильный нос свёл меня с ума; я вообразил, что нашёл Гетеву Миньону, это причудливое создание его немецкого воображения, — и точно, между ими было много сходства: те же быстрые переходы от величайшего беспокойства к полной неподвижности, те же загадочные речи, те же прыжки, странные песни. (М. Ю. Лермонтов)

Мне в самом деле говорили, что в черкесском костюме верхом я больше похож на кабардинца, чем многие кабардинцы. И точно, что касается до этой благородной боевой одежды, я совершенный денди: ни одного галуна лишнего; оружие ценное в простой отделке, мех на шапке не слишком длинный, не слишком короткий; ноговицы? и черевики? пригнаны? со всевозможной точностью; бешмет? белый, черкеска темно-бурая. (М. Ю. Лермонтов)

Это был жестокий удар для Лизаветы Николавны, которая почувствовала, что лишается своего последнего кавалера, — ибо остальные молодые люди, видя, что Печорин занимается ею исключительно, совершенно ее оставили. И точно, с этого дня Печорин стал с нею рассеянее, холоднее, явно старался ей делать те мелкие неприятности, которые замечаются всеми и за которые между тем невозможно требовать удовлетворения. (М. Ю. Лермонтов)

.. ах разбойники, черти их душу возьми... Эх сколько телег за собой везут, целый обоз! ..» И точно, толпа, надвигающаяся к ним навстречу, более походила на караван, нежели на отряд вольных жителей Урала. Впереди ехало человек 50 казаков, предводительствуемых одним старым, седым наездником, на серой борзой лошади. За ними шло человек десять мужиков с связанными назад руками, с поникшими головами, без шапок, в одних рубашках; потом следовало несколько телег, нагруженных поклажею, вином, вещами, деньгами, и, наконец, две кибитки, покрытые рогожей, так что нельзя было, не приподняв оную, рассмотреть, что в них находилось (М. Ю. Лермонтов)

ичиков изъявил готовность совершить ее хоть сию же минуту и потребовал только списка всем крестьянам. Это успокоило Плюшкина. Заметно было, что он придумывал что-то сделать, и точно, взявши ключи, приблизился к шкафу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и наконец произнес: — Ведь вот не сыщешь, а у меня был славный ликерчик, если только не выпили! народ такие воры! А вот разве не это ли он? [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)] [омонимия не снята]

Однако же он поблагодарил председателя и, обратившись тут же к Собакевичу, спросил: — А ваше как здоровье? — Слава богу, не пожалуюсь, — сказал Собакевич. И точно, не на что было жаловаться: скорее железо могло простудиться и кашлять, чем этот на диво сформированный помещик. — Да вы всегда славились здоровьем, — сказал председатель, — и покойный ваш батюшка был также крепкий человек. — Да, на медведя один хаживал, — отвечал Собакевич. — Мне кажется, однако ж, — сказал председатель. [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)] [омонимия не снята]

Вообще он сидел, как говорится, на своем месте и должность свою постигнул в совершенстве. Трудно было даже и решить, он ли был создан для места, или место для него. Дело было так поведено умно, что он получал вдвое больше доходов противу всех своих предшественников, а между тем заслужил любовь всего города. Купцы первые его очень любили, именно за то, что не горд; и точно, он крестил у них детей, кумился с ними и хоть драл подчас с них сильно, но как-то чрезвычайно ловко: и по плечу потреплет, и засмеется, и чаем напоит, пообещается и сам прийти поиграть в шашки, расспросит обо всем: как делишки, что и как. Если узнает, что детеныш как-нибудь прихворнул, и лекарство присоветует, — словом, молодец! Поедет на дрожках, даст порядок, а между тем и словцо промолвит тому-другому: «Что, Михеич! нужно бы нам с тобою доиграть когда-нибудь в горку». [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)] [омонимия не снята]

— Ах, говорите, ради бога! — Это просто выдуманно только для прикрытья, а дело вот в чем: он хочет увезти губернаторскую дочку. Это заключение, точно, было никак неожиданно и во всех отношениях необыкновенно. Приятная дама, услышав это, так и окаменела на месте, побледнела, побледнела, как смерть и, точно, перетревожилась не на шутку. — Ах, боже мой! . — вскрикнула она, всплеснув руками, — уж этого я бы никак не могла предполагать. — А я, признаюсь, как только вы открыли рот, я уже смекнула, в чем дело, — отвечала приятная во всех отношениях. [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)] [омонимия не снята]

И в дальних захолустьях нужна протекция! Местечко досталось ему ничтожное, жалованья тридцать или сорок рублей в год. Но решился он жарко заняться службою, все победить и преодолеть. И точно, самоотвержение, терпенье и ограничение нужд показал он неслыханное. С раннего утра до позднего вечера, не уставая ни душевными, ни телесными силами, писал он, погрязнув весь в канцелярские бумаги, не ходил домой, спал в канцелярских комнатах на столах, обедал подчас с сторожами и при всем том умел сохранить опрятность, порядочно одеться, сообщить лицу приятное выражение и даже что-то благородное в движениях. Надобно сказать, что палатские чиновники особенно отличались невзрачностью и неблагообразием. У иных были лица, точно дурно высеченный хлеб: щеку раздуло в одну сторону, подбородок покосило в другую, верхнюю губу вынесло пузырем, которая в прибавку к тому еще и треснула; словом, совсем некрасиво. [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)] [омонимия не снята]

Ведь он здесь, ведь он вас слышит. — Где барин? — Да вот он сидит у окна; он все видит. И точно, барин сидел у окна и все видел. К довершению этого, кричал кричмя дворовый ребятишка, получивший от матери затрещину; визжал борзой кобель, присев задом к земле, по поводу горячего кипятка, которым обкатил его, взглянувши из кухни, повар. Словом, все голосили и верещало невыносимо. Барин все видел и слышал. [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)] [омонимия не снята]

Крыши тоже зевали. Платонов, глядя на них, зевнул. «Мое-то будущее достоянье — мужики, — подумал Чичиков, — дыра на дыре и заплатка на заплате! » И точно, на одной избе, вместо крыши лежали целиком ворота; провалившиеся окна подперты были жердями, сташенными с господского амбара. Словом в хозяйство введена была, кажется, система Тришкина кафтана: отрезывались обшлага и фалды на заплату локтей. Они вошли в комнаты. Чичикова несколько поразила смешение нищеты с некоторыми блестящими безделушками позднейшей роскоши. [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)] [омонимия не снята]

Если у него спрашивали: отчего это у вас, Антон Прокофьевич, сюртук коричневый, а рукава голубые? то он обыкновенно всегда отвечал: «А у вас и такого нет! Подождите, обносится, весь будет одинаковый! » И точно: голубое сукно, от действия солнца, начало обращаться в коричневое и теперь совершенно подходит под цвет сюртука; но вот что странно, что Антон Прокофьевич имеет обыкновение суконное платье носить летом, а нанковое зимою. Антон Прокофьевич не имеет своего дома. У него был прежде на конце

города, но он его продал и на вырученные деньги купил тройку гнедых лошадей и небольшую бричку, в которой разъезжал гостить по помещикам. Но так как с ними много было хлопот и притом нужны были деньги на овес, то Антон Прокофьевич их променял на скрипку и дворовую девку, взявши придачи двадцатипятирублевую бумажку. [Н. В. Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем (1835-1841)] [омонимия не снята]

Впрочем, многие деятельные и заботливые люди никак не хотели успокоиться и поговаривали, что в дальних частях города всё ещё показывался чиновник-мертвец. И точно, один коломенский будочник видел собственными глазами, как показалось из-за одного дома привидение; но, будучи по природе своей несколько бессилён, так что один раз обыкновенный взрослый поросёнок, кинувшись из какого-то частного дома, сшиб его с ног, к величайшему смеху стоявших вокруг извозчиков, с которых он вытребовал за такую издёвку по грошу на табак, — итак, будучи бессилён, он не посмел остановить его, а так шёл за ним в темноте до тех пор, пока наконец привидение вдруг оглянулось и, остановясь, спросило: "Тебе чего хочется?" — и показало такой кулак, какого и у живых не найдёшь. Будочник сказал: "Ничего", — да и поворотил тот же час назад. Привидение, однако же, было уже гораздо выше ростом, носило преогромные усы и, направив шаги, как казалось, к Обухову мосту, скрылось совершенно в ночной темноте. [Н. В. Гоголь. Шинель (1842)] [омонимия снята]

На обязанности Василья Андреича лежало, между прочим, озаботиться их первоначальным устройством на новом месте, пока они осмотрятся и обживутся. Весьма естественно, что положение Светлова было, на первый раз, самое неловкое. Действительно, что значил он, захолустный квартальный надзиратель, в сравнении с этими образованными, светскими молодыми людьми — блестящими представителями тогдашней интеллигенции? [И.В. Омуревский. Шаг за шагом (1870)]

Мы любили ровно, потому что взаимно знали и ценили друг друга; но это не мешало ему оказывать влияние на меня, а мне подчиняться ему. Само собою разумеется, что под влиянием Нехлюдова я невольно усвоил и его направление, сущность которого составляло восторженное обожание идеала добродетели и убеждение в назначении человека постоянно совершенствоваться. [Л. Н. Толстой. Отрочество (1854)]

Переписываясь и разговаривая таким образом, они (что весьма

естественно) дошли до следующего рассуждения: если мы друг без друга дышать не можем, а воля жестоких родителей препятствует нашему благополучию, то нельзя ли нам будет обойтись без нее? Разумеется, что эта счастливая мысль пришла сперва в голову молодому человеку и что она весьма понравилась романическому воображению Марьи Гавриловны. [А. С. Пушкин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина/Метель (1830)]

Братья Карамазовы (1880)]

Я думаю, казаки, зевающие на своих вышках, видя меня скачущего без нужды и цели, долго мучились этой загадкой, ибо, верно, по одежде приняли меня за черкеса. Мне в самом деле говорили, что в черкесском костюме верхом я больше похож на кабардинца, чем многие кабардинцы. И точно, что касается до этой благородной боевой одежды, я совершенный денди. [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)]

Речь товарища прокурора, по его мнению, должна была иметь общественное значение, подобно тем знаменитым речам, которые говорили сделавшиеся знаменитыми адвокаты. Правда, что в числе зрителей сидели только три женщины: швея, кухарка и сестра Симона, и один кучер, но это ничего не значило. [Л. Н. Толстой. Воскресение (1899)]

Диагностическим признаком этой модели является невозможность перемещения вводного слова направо, за союз «что». В этом случае в предшествующем тексте всегда есть речь/мысль принадлежащая другому участнику, и вводное слово — маркер смены субъекта речи/мысли (и смену точки зрения).

IV. Межпредикативная позиция. (модусный предикатив выступает в иллокутивной функции, формируя связь между двумя предложениями или между двумя частями сложносочиненного предложения):

Герой нашего времени (1839-1841)]

Что не носит на себе этого характера частности или животрепещущей новизны, то, по всей справедливости, в европейском журнале

кажется наивным и школьным. Наши журналы в этом отношении считают себя вправе держаться тех же правил — **и, разумеется**, жестоко ошибаются. Литература наша так бедна, что между наивностью русской журнальной статьи и наивностью статьи европейского журнала расстояние неизмеримое. [В. Н. Майков. Нечто о русской литературе в 1846 году (1847)]

Это был жестокий удар для Лизаветы Николаевны, которая почувствовала, что лишается своего последнего кавалера, - ибо остальные молодые люди, видя, что Печорин занимается ею исключительно, совершенно ее оставили. **И точно**, с этого дня Печорин стал с нею рассеяннее, холоднее, явно старался ей делать те мелкие неприятности, которые замечаются всеми и за которые между тем невозможно требовать удовлетворения. [М. Ю. Лермонтов. Княгиня Лиговская (1836-1837)]

Старец сказал ему, что как нужна материальная пища для поддержания жизни, так нужна духовная пища — молитва церковная — для поддержания духовной жизни. Он верил в это, **и действительно**, служба церковная, на которую он с трудом поднимался иногда поутру, давала ему несомненное успокоение и радость. [Л.Н. Толстой. Отец Сергей]

В церковь они выезжали редко и постились по-католически, то есть употребляли яйца, масло и молоко. В городе это знали — **и, конечно**, это не поправляло их репутации. Но доброта их все побеждала; и над чудаками Субочевыми хоть и смеялись, хоть и считали их юродивыми и блаженными, а все-таки, в сущности, уважали их. Да; их уважали... но ездить к ним никто не ездил. Впрочем, они об этом также не тужили. [И. С. Тургенев. Новь (1877)]

Теперь он видел близко ее лицо, блестящие глаза, и здесь, в темноте, она казалась моложе, чем в комнате, и даже как будто вернулось к ней ее прежнее детское выражение. **И в самом деле**, она с наивным любопытством смотрела на него, точно хотела поближе разглядеть и понять человека, который когда-то любил ее так пламенно, с такой нежностью и так несчастливо; ее глаза благодарили его за эту любовь. [А. П. Чехов. Ионыч (1898)]

В селе говорят про Аксинью, что она забрала большую силу; **и правда**,

когда она утром едет к себе на завод, с наивной улыбкой, красивая, счастливая, и когда потом распоряжается на заводе, то чувствуется в ней большая сила. Ее всебоятся и дома, и в селе, и на заводе. [А. П. Чехов. В овраге (1900)]

В приведенных примерах в двух частях предложения представлены два суждения, принадлежащие двум разным субъектам модуса. Во второй части предложения идет подтверждение или смысловое развертывание темы, заданной в первой части, но принадлежит оно автору-наблюдателю (другому субъекту модуса), Союз «и», таким образом, реализует здесь свою «естественную семантику» соединения или следования.

Союз «и» несет семантику следования, которая задана и общим смыслом предложений (частями сложного предложения); вводное слово не снимает следственную семантику, так как именно она образует смысловой каркас предложения, в котором вводное слово во второй части формирует подтверждение (от лица другого субъекта) содержания, выраженного в первой части. В данных примерах можно говорить об иллокутивной функции союза «и».

По определению, данному в проекте «Русская корпусная грамматика», «иллокутивным называется такое употребление союза, когда он выражает связь между пропозициональным содержанием одной клаузы в составе сложного предложения и иллокутивной модальностью другой».

В.З. Санников разбирая этот вопрос в своей работе «Иллокутивное употребление или синтаксический эллипсис?» предлагает обратить внимание на характер семантической связи между двумя частями сложного предложения, точнее между двумя пропозициями: пропозицией главного и пропозицией придаточного предложений. И предлагает четко отделить конструкции одной группы, которые соединяют **смысл** одной части сложного предложения и **иллокутивную функцию** другой части, от второй группы, которые представляют отношения между **смыслом** одного предложения, иллокутивной **функцией** другого и **смыслом** другого предложения [Санников, 2005].

По его мнению, важно отделить естественные смысловые связи внутри сложного предложения, чтобы рассматривать иллокутивную связь в «чистом виде», когда она сопровождается связью, формирующейся в зависимости от лексического наполнения предикативных единиц. Иллокутивные конструкции он определяет как конструкции, не имеющие самостоятельной смысловой связи между частями сложного предложения (их пропозициями), и делает вывод, что иллокутивные употребления возможны и в сложносочиненных предложениях и даже в сочетаниях синтаксически независимых предложений.

В Коммуникативной грамматике основной акцент ставится не на эллипсис, а на субъектную перспективу и возможность изменения типа модуса. То, что в структурном синтаксисе называется иллокутивной связью, в Коммуникативной грамматике интерпретируется с помощью понятия «монтажный шов»: союз сам по себе (присоединительное И) или в соединении модусным предикативом является знаком смены модуса (коммуникативного регистра) и «владельца модуса», субъекта сознания.

Союз «и» в этом случае реализует свое естественное значение «следствия» (и поэтому). Чтобы определить функцию вводного слова в предложениях такого типа, предлагаю рассмотреть этот очень интересный вариант в диагностическом контексте.

Ваня очень боялся волка, и действительно, волк был очень страшный.

Ваня очень хотел велосипед, и действительно, у всех его друзей уже были велосипеды, а у него не было.

Ваня очень долго болел и лежал дома. Он думал, что на улице уже весна, и действительно, на березах уже висели сережки, когда он первый раз вышел на крыльцо.

Ваня видел, как люди толпой шли по улице, и действительно, в этот день город приехал цирк.

Ваня сказал, что он опаздывает на поезд, и действительно, было уже девять часов.

В вышеприведенных примерах вводное слово является обязательным

элементом формирования смысла высказывания. В левой части одна пропозиция образована S1 модуса и предикатом со значением эмоции/мысли/речи/восприятия, в правой — обоснование этого мнения, данное S2, который принадлежит автору-наблюдателю.

Таким образом, можно сказать, что в предложениях структуры S1-думал-'суждение1', *и+вводное слово S2-*'суждение2'» соединение союза «и» и вводного слова является конструкцией, формирующей «обратное» обоснование: содержание второй части является основанием для суждения, высказанного в первой части.

Рассмотрим еще несколько литературных примеров.

— *Ребята! Надо сходить назад — взять офицера, что ранен там, в канаве, — сказал он не слишком громко и повелительно, чувствуя, как неприятно будет солдатам исполнять это приказанье, — **и действительно, так как он ни к кому именно не обращался, никто не вышел, чтобы исполнить его.***
[Л. Н. Толстой. Севастопольские рассказы/ Севастополь в мае (1855)]

В примере можно увидеть перераспределение функций вводного слова и рядом стоящих союзов. В исходном предложении вводное слово можно изъять, однако, если убрать выделенное придаточное предложение с союзом *так как*, то вводное слово уже нельзя будет удалить из текста без потери смысла. Видимо, союз *так как* берет на себя часть нагрузки по формированию отношения обусловленности между частями предложения.

*Не выпуская ее из своих объятий, Нехлюдов посадил ее на постель и, чувствуя, что еще что-то надо делать, сел рядом с нею. — Дмитрий Иванович, голубчик, пожалуйста, пустите, — говорила она жалобным голосом. — Матрена Павловна идет! — вскрикнула она, вырываясь, **и действительно кто-то шел к двери.*** [Л.Н. Толстой]

*Второй солдат, переобувавший около огня свои жилистые красные ноги, был Антонов, «Давно бы уж ему быть фейерверкером, коли бы не характер его», говорили про него солдаты. **И действительно, странный у него был характер...*** [Л. Н. Толстой. Рубка леса. Рассказ юнкера (1855)]

*Ростов сделался не в духе тотчас же после того, как он заметил неудовольствие на лице Бориса, и, как всегда бывает с людьми, которые не в духе, ему казалось, что все неприязненно смотрят на него и что всем он мешает. **И действительно**, он мешал всем и один оставался вне вновь завязавшегося общего разговора. [Л. Н. Толстой. Война и мир. Том второй (1867-1869)]*

§2. Диктумно-модусная комбинаторика и структура полипредикативного союзного предложения.

Семантика сочинительных союзов, в особенности союза *и*, характеризуется широтой семантики, т.е. способностью выразить различные синтаксические отношения, при этом для уточнения семантики сочинительного союза используются слова-конкретизаторы (модификаторы). Такими конкретизаторами становятся «вводные слова», или «модусные предикативы». В работе принимается идея Коммуникативной грамматики, согласно которой модусный предикатив может маркировать границу между двумя текстовыми фрагментами, то есть обнаруживать монтажный шов. Монтажный шов не прикреплен к прописной букве и точке, он может содержаться и в сложном предложении, но это предложения особой структуры: они по своей семантико-синтаксической сущности ближе к уровню текстовой тактики, нежели к уровню синтаксических конструкций.

Основное внимание далее будет уделено соединению модусного предикатива и союза в сложном предложении и в тексте. При этом будут учитываться две идеи коммуникативной грамматики: субъектная перспектива высказывания и коммуникативный регистр речи.

Диктум (или пропозиция) – это объективное содержание высказывания, модус – субъективная составляющая смысла высказывания. Модусом – та часть содержания высказывания, в которой представлен субъект сознания и речи с его отношением (пропозициональное отношение, пропозициональная

установка, интенциональное состояние сознания) к сообщаемому.

Модус может быть вербализованным и невербализованным.

Если рассматривать минимальное полипредикативное предложение (минимум две предикативных единицы) с точки зрения соотношения модуса и диктума, то можно увидеть три варианта соотношения модуса и диктума.

1 вариант: один модус (невербализованный), 2 диктума, где диктальные части соединены союзом. Схематически можно изобразить как (М)- Д₁ и Д₂:

Ваня сделал уроки и пошел на улицу; Выглянуло солнце, и снег растаял.

Когда Ваня сделал уроки, он пошел на улицу.

2 вариант: 1 диктум и 1 вербализованный модус; схема – М – Д:

Я думаю, что Ваня уже сделал уроки.

3 вариант: 2 невербализованных модуса и 2 диктума, которые объединяет союз. Схематически можно изобразить как (М₁)Д₁ и (М₂) Д₂.

В этом доме кто-то живет, потому что тропинка протоптана. = Я думаю..., потому что вижу

Здесь мы видим, что союз может соединять как две диктальные части в рамках одного модуса, так и две модусные рамки, вводящие две диктальные части.

Для сочинительных союзов частотными оказываются те случаи, когда модус в высказывании выражен с помощью вводного слова – модусного предикатива. В свою очередь, модусный предикатив регулярно является «квалификатором», корректирующим значение сочинительного союза, объединяющего части полипредикативного предложения в единую коммуникативную единицу (высказывание):

Он обещал прийти пораньше и, действительно, пришел.

Он обещал, и, верно, придет (пример из Словаря В.И. Даля).

Семантика сочинительных союзов, в особенности союза *и*, характеризуется большой неопределенностью, широтой и способностью получать ряд различных значений, при реализации в предложениях различной семантики или в случае соединения с каким-либо словом-конкретизатором.

Регулярно связующую функцию между двумя пропозициями в сложном предложении берет на себя не союз, а какая-либо другая часть речи, иногда — в сочетании с союзом, формируя новый смысл, иногда — без союза.

Функции модусных предикативов в полипредикативном предложении предполагается рассматривать с нескольких сторон: субъектная организация высказывания, коммуникативный регистр речи, синтаксическая позиция в межпредикативном соединении предложений (фиксированная или нефиксированная).

В настоящей работе рассматриваются следующие союзно-модальные соединения: «*и правда*», «*и действительно*», «*и точно*», «*и в самом деле*», «*и конечно*», «*и разумеется*». Материал исследования собран на базе Национального корпуса русского языка. Выборка производилась с ограничением по годам: 1830-1900 гг., поскольку именно этот период является рассветом синтагматической прозы в русской литературе.

Шесть указанных союзно-модальных соединений содержат слово, которое может выражать согласие и связано с позицией реактивной речевой реплики. Реплика согласия может быть предъявлена в диалоге как принадлежащая другому участнику. Для некоторых из этих слов именно в связи с возможностью выражать согласие и выступать в виде нечленимого предложения в толковых словарях введена характеристика «частица».

Не рассматривается соединения типа «*и следовательно*», так как это сочетание работает только в функции союза, *следовательно* семантически согласуется с союзом и не изменяет его семантики. *Следовательно* не связано с ситуацией «чужого слова». Пример типа «*и верно*» не исследовались, поскольку они синонимичны «*и точно*». Сочетание «*и правда*» интересно для исследования своей тесной связью с омонимичным существительным. «*И разумеется*» сохраняет связь с глаголом. Таким образом, в исследовании представлена группа слов, близких по значению и по синтаксической функции, но разных по морфологической характеристике (сформировавшихся на основе разных частей речи).

Выбранные сочетания можно разделить на две группы: 1-я группа - «*и действительно*», «*и конечно*», «*и точно*», «*и правда*», «*и в самом деле*»; эти

выражают подтверждение ранее высказанного мнения, отсылку к факту, прежде предъявленному в речи, они ориентированы на сопоставление ситуаций. 2-я – сочетания «и конечно», «и разумеется» - отсылают к предшествующему знанию самого говорящего. Об этом подробнее будет в следующем параграфе.

В связи с тем, что основное внимание уделялось случаям обнаружения монтажного шва – мены регистра или мены субъекта модуса, т.е. явлениям уровня текста, из Национального корпуса выбирались и примеры, оформленные как сложные предложения, и те, в которых перед союзом стоит точка.

В первой моей молодости, с той минуты, когда я вышел из опеки родных, я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги, и разумеется, удовольствия эти мне опротивели.

[М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)]

Только немногие остались ждать у крыльца; остальные же гурьбой вошли в грязный коридор, и между прочими я, к удивлению, увидел и Лизавету Николаевну. Нумер застрелившегося был отперт, и, разумеется, нас не посмели не пропустить [Ф. М. Достоевский. Бесы (1871-1872)]

Это был жестокий удар для Лизаветы Николаевны, которая почувствовала, что лишается своего последнего кавалера, - ибо остальные молодые люди, видя, что Печорин занимается ею исключительно, совершенно ее оставили. И точно, с этого дня Печорин стал с нею рассеянное, холоднее, явно старался ей делать те мелкие неприятности, которые замечаются всеми и за которые между тем невозможно требовать удовлетворения. [М. Ю. Лермонтов. Княгиня Лиговская (1836-1837)]

(2) в повествовании от 3-го лица:

Дарья Васильевна мало занималась своим домом, заботясь единственно только о тепле. И действительно, зимою у нее бывало жарко, но зато летом полусгнившая тесовая крыша пропускала [Н.Э. Гейнце. Князь Тавриды (1898)];

Он со слезами просил прощения у князя, дал себе клятву никогда более не пить и действительно с тех пор никогда уже не напивался. Вот другой

случай.. [Д. Д. Благово. Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово (1877-1880)] [омонимия не снята]

И+модусный предикатив (фиксированная позиция; текстовый коннектор):

*Вдруг Таня сказала: — Слышишь? Мама плачет... **И правда**, мама плакала. Нам хотелось знать: о чем? Спросить мы не смели и стали слушать. — Как же это, Зиночка, неужели ты совсем решилась? [З.Н. Гиппиус. Совесть (1896)]*

*Весной он заметил, что у его жены, нахально-красивой молодой женщины, стали завязываться с учителем какие-то особенные разговоры, заметил и не подал виду, выжидая, что дальше будет: такой он был благообразный и вежливый старичок в опрятной серой поддевочке. **И правда**, учитель нравился лавочнице. Но он старался отделяться от нее шуточками. [И. А. Бунин. Учитель (1894)]*

*Не выпуская ее из своих объятий, Нехлюдов посадил ее на постель и, чувствуя, что еще что-то надо делать, сел рядом с нею. — Дмитрий Иванович, голубчик, пожалуйста, пустите, — говорила она жалобным голосом. — Матрена Павловна идет! — вскрикнула она, вырываясь, **и действительно** кто-то шел к двери. [Л.Н. Толстой]*

*Скоро я заметил, то ко мне в комнату беспрестанно западали какие-то слабые отсветы. Я приподнялся и глянул в окно. Переплет его четко отделялся от таинственно и смутно белевших стекол. «Гроза», — подумал я, — **и точно**, была гроза, но она проходила очень далеко, так что и грома не было слышно; только на небе непрерывно вспыхивали неяркие, длинные, словно разветвленные молнии: [И. С. Тургенев. Первая любовь (1860)]*

*Здесьние жители утверждают, что воздух Кисловодска располагает к любви, что здесь бывают развязки всех романов, которые когда-либо начинались у подошвы Машука. **И в самом деле**, здесь всё дышит уединением;*

здесь всё таинственно— и густые сени липовых аллей, склоняющихся над потоком, который с шумом и пеною, падая с плиты на плиту, прорезывает себе путь между зеленеющими горами, и ущелья, полные мглой и молчанием, которых ветви разбегаются отсюда во все стороны, и постоянный, сладостно-усыпительный шум студёных ручьёв, которые, встретясь в конце долины, бегут дружно взапуски и наконец кидаются в Подкумок [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)]

§ 3. Разница между союзно-модальными соединениями типа «и конечно» и типа «и действительно».

Слова «конечно» и «разумеется» употребляются преимущественно в нефиксированной синтаксической позиции, в отличие от слов другой группы, для которых возможны оба типа употребления. Это связано с различиями в семантике слов *действительно, правда, точно, в самом деле*, с одной стороны (1 группа), и *конечно, разумеется*, с другой (2 группа).

Рассмотрим возможность взаимозаменяемости этих двух групп слов.

1. Он обещал прийти и, конечно, пришел.

Он обещал прийти и, разумеется, пришел.

Здесь между частями наблюдаются отношения естественного следования во времени и одновременно причинно-следственные отношения. Значения эти выражены сочинительным союзом «и» и поддерживается семантикой вводного слова «конечно», которое здесь выражает указание то, что предположения говорящего подтвердились.

2. Он обещал придти – и, конечно, не пришел.

Он обещал придти и, разумеется, не пришел.

В данном случае предложения тоже несут вполне четкий смысл, но требуют достаточно длинного последующего текста (или внеязыкового знания, если фраза присутствует в реальном разговоре), в котором разъясняется, почему именно такое развитие событий ожидал говорящий.

3. Он обещал придти и, действительно (точно, правда, в самом деле), пришел.

* Он обещал придти и, действительно (точно, правда, в самом деле), не пришел.

В этом случае возможен первый тип отношений и невозможен второй. Здесь вводное слово «действительно» описывает соотнесенность ситуаций, взаимосвязанных друг с другом. А во втором примере нет логической взаимосвязи ситуаций; соединить их может авторское сознание, точка зрения говорящего, выраженная присоединительным союзом *И*, который может «поддерживаться» вводными словами «конечно» и «разумеется».

Рассмотрим на литературных примерах, как функционируют союзно-модальные соединения группы «и действительно»:

*Предчувствуя что-то очень недоброе, я хотел было обвести его кругом площади прямо к губернаторскому крыльцу, но залюбопытствовался сам и остановился лишь на одну минуту расспросить какого-то первого встречного, и вдруг смотрю, Степана Трофимовича уж нет подле меня. По инстинкту тотчас же бросился я искать его в самом опасном месте; мне почему-то предчувствовалось, что и у него санки полетели с горы. **И действительно**, он отыскался уже в самом центре события.* [Ф. М. Достоевский. Бесы (1871-1872)].

*Ведь быть бедным, ничего не копить и ничего не беречь гораздо легче, чем быть богатым. А всё же он был взволнован и уже не мог молиться, как прежде. Едва он входил в молельную и раскрывал книгу, как уже начинал бояться, что вот-вот войдет брат и помешает ему; **и в самом деле**, Матвей появлялся скоро и кричал дрожащим голосом: «Образумьтесь, братец! Покайтесь, братец!»* [А. П. Чехов. Убийство (1895)]

— А что? — А то, что уже на селе петухи кричат. Слышите, как заводят? **И правда**: на селе, может быть в Галиной хате, кричал-надрывался горлан-петух: ку-ка-ре-ку-у... [В. Г. Короленко. Судный день (1890)]

Хотя в её косвенных взглядах я читал что-то дикое и подозрительное,

*хотя в её улыбке было что-то неопределённое, но такова сила предубеждений: правильный нос свёл меня с ума; я вообразил, что нашёл Гетеву Миньону, это причудливое создание его немецкого воображения, — **и точно**, между ими было много сходства: те же быстрые переходы от величайшего беспокойства к полной неподвижности, те же загадочные речи, те же прыжки, странные песни. [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)]*

В левой части, до вводного слова, предъявляются чувства или ощущения говорящего или персонажа, в правой части – обоснование этих эмоций. Модусные предикативы с союзом «И» могут быть сдвинуты из позиции в начале второй части сложного предложения дальше направо: *между ними, и точно, было много сходства*. В этом случае *И* квалифицируется как усилительная частица.

Примеры группы «и конечно»:

*Я занимал две небольшие комнаты и антресоли, **и, конечно**, никому не пришло бы в голову назвать их палатами, да еще золочеными; но Пунин, — вероятно, говорил обо воем бабушкином доме, который, впрочем, тоже не отличался роскошью. [И. С. Тургенев. Пунин и Бабурин (1874)]*

*В церковь они выезжали редко и постились по-католически, то есть употребляли яйца, масло и молоко. В городе это знали — **и, конечно**, это не поправляло их репутации. **Но** доброта их все побеждала; и над чудаками Субочевыми хоть и смеялись, хоть и считали их юродивыми и блаженными, а все-таки, в сущности, уважали их [И. С. Тургенев. Новь (1877)]*

*Что не носит на себе этого характера частности или животрепеющей новизны, то, по всей справедливости, в европейском журнале кажется наивным и школьным. Наши журналы в этом отношении считают себя вправе держаться тех же правил — **и, разумеется**, жестоко ошибаются. Литература наша так бедна, что между наивностью русской журнальной статьи и наивностью статьи европейского журнала*

расстояние неизмеримое. [В. Н. Майков. Нечто о русской литературе в 1846 году (1847)]

*Напрасно я им откликнулся: они б ещё с час проискали меня в саду. Тревога между тем сделалась ужасная. Из крепости прискакал казак. Всё зашевелилось; стали искать черкесов во всех кустах — **и, разумеется**, ничего не нашли. **Но** многие, вероятно, остались в твёрдом убеждении, что если б гарнизон показал более храбрости и поспешности, то по крайней мере десятка два хищников остались бы на месте. [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)]*

Примеры 2-й группы отличаются от примеров 1-й группы следующим:

они не допускают перемещения союзно-модального соединения в рамках второй предикативной единицы: **В городе это знали — это, **и, конечно**, не поправляло их репутации.* модусный предикатив этой группы свободно опускается: *В городе это знали — **и, конечно**, это не поправляло их репутации.* - *В городе знали, что они постились по-католически — **и** это не поправляло их репутации.* слова «конечно» и «разумеется» семантически указывают на наличие у говорящего определенного знания, некоторого закона, действие которого подтверждается жизнью, т.е. их семантика предполагает наличие пресуппозиции, как правило, не предъявленной в непосредственной близости от данного модусного предикатива.

§ 4. Союзно-модусная связь на фоне субъектной перспективы текста.

Вначале необходимо определить, что такое типы субъекта в тексте.

В Коммуникативной грамматике разработана типология субъектов, в основе которой лежат следующие признаки и противопоставления:

- 1) субъект относится к зоне диктума или к зоне модуса,
- 2) имеет определенный семантико-синтаксический статус (может быть конкретным — личным, предметным и пространственным и отвлеченным-пропозициональным),

3) обладает референциальной характеристикой. Субъект в стандартной речевой ситуации и в повествовании (монологическом тексте) имеют разную специфику реализации.

Коммуникативная грамматика описывает 5 типов субъекта, определяя их принадлежность к диктуму или модусу: S₁ (субъект базовой модели) и S₂ (каузатор) принадлежат диктуму; S₃ (авторизатор), S₄ (говорящий) и S₅ (слушающий) - принадлежат модусу. В повествовании от первого лица S₁, S₃ и S₄ совпадают [КГ, с. 230-234].

«В художественном монологическом тексте (в нарративе) субъектные зоны оказываются открытыми для «проникновения» в них автора; все они соединяются в образе автора, образуют его сложную структуру, поэтому в нарративе решающим для интерпретации является ... совпадение/несовпадение точки зрения автора и точки зрения героя». [КГ, с. 235].

Семантика вводного слова всегда образует в высказывании соотнесение точки зрения автора, говорящего и героя-третьего лица. Таким образом, возможны различные сочетания этих субъектов, что отражается в выборе модусного предикатива.

Модусный предикатив, будучи эгоцентриком, может принадлежать Я автора, Я рассказчика или Я героя. Если в естественной речи, идущей от первого лица, исследуемые модусные предикативы означают «соответствие действительности» (*и в самом деле, действительно, точно, правда*), или «вывод, результат, соответствующий ожидаемому» (*конечно, разумеется*) получают значение «я нахожу что ситуация 1 соответствует/следует/является результатом ситуации 2», то в художественном нарративе субъектная перспектива осложняется: автор смотрит на мир глазами героя, использует субъектную сферу героя.

В речи от первого лица в тексте, когда вводное слово используется в парентетической позиции, мы можем видеть, что субъект речи равен субъекту мнения (S₄=S₃), вербализована Я-модусная рамка, и модусный предикатив

связывает два суждения, где второе является подтверждением или развитием смысла, заложенного в первом.

Если использовать терминологию Д. Пайара, можно говорить о том, что положение вещей, введенное в левом контексте, подтверждается с помощью «дискурсивного слова», вводящего взгляд второго лица (которое в данном случае равно рассказчику) и дополняет информацию, изложенную в левой части.

— Гуд-гора. — Ну так что ж? — Посмотрите, как курится. **И в самом деле, Гуд-гора курилась; по бокам её ползали лёгкие струйки —облаков, а на вершине лежала чёрная туча, такая чёрная, что на тёмном небе она казалась пятном.** [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)].

Модусные предикативы могут выявлять как субъектную сферу повествователя (рассказчика), так и субъектную сферу героя.

1. Вводное слово принадлежит субъектной сфере автора, субъектная сфера повествователя не задана изначально; например:

*Была ли хоть так счастлива Анна Филатьевна? С одной стороны, пожалуй, и да... а с другой, оно, конечно... Эта именно, или вроде этой фраза сложилась в уме лежавшей с закрытыми глазами Галочкиной, после долгого раздумья над вопросом: была ли она счастлива? **И действительно,** с одной стороны ее жизнь катилась довольно ровно. Первые годы муж служил. На часть ее денег они купили себе тогда домик. Виктор Сергеевич, впрочем, запивал и во хмелю был крут; Анне Филатьевне приходилось выносить довольно значительные потасовки...* [Н.Э. Гейнце. Князь Тавриды (1898)] — рассказчик сближается с субъектной сферой героини.

*Дмитрий Иванович, голубчик, пожалуйста, пустите, — говорила она жалобным голосом. — Матрена Павловна идет! — вскрикнула она, вырываясь, **и действительно,** кто-то шел к двери. — Так я приду к тебе ночью, —проговорил Нехлюдов. — Ты ведь одна? — Что вы?* [Л. Н. Толстой. Воскресение (1899)] — автор смотрит на ситуацию глазами Нехлюдова; на это

указывает и неопределенное местоимение *кто-то*.

Б.А. Успенский интерпретирует подобные случаи с помощью термина В.Шкловской «остранение»: функция вводных слов состоит в том, чтобы показать художественный мир несобственно авторскими глазами [Успенский, 1970: с. 115]. Автор, создавая художественный текст, обнаруживает себя в сферах внутритекстовых субъектов – героев и рассказчиков.

Модусные предикативы при союзах формируют свернутый диалог двух точек зрения: некий высказанный выше героем тезис соединяется с подтверждением этого тезиса рассказчиком. Примеры показывают, что союзно-модальные соединения группы «и действительно» употребляются при переходе от прямой или косвенной речи одного субъекта к слову рассказчика, от мнения одного героя к мнению другого. Тем самым союзно-модальные соединения становятся средством связности в условиях синтагматической прозы. Например:

*Наконец, господин Прохарчин почувствовал, что на него начинает нападать ужас; ибо видел ясно, что всё это как будто неспроста теперь делается и что даром ему не пройдёт. **И действительно**, тут же недалеко от него взмогнулся на дрова какой-то мужик, в разорванном, ничем не подпоясанном армяке, с опалёнными волосами и бородой, и начал подымать весь божий народ на Семёна Ивановича. [Ф. М. Достоевский. Господин Прохарчин (1846)]*

*— Козлихе теперича, бедной, надо думать, дюже достанется, потому всех горлопятов-то Федот Иванов на правленское крыльцо пить созвал, — соболезновали бабёнки. **И действительно**, с правленского крыльца по всему селу раздавалось пьяное гуденье, обрекавшее на погибель серую бабочку, разбранившуюся вчера с Федотовой старухой. [А. И. Левитов. Расправа (1862)].*

Гиргеев поцеловал протянутую ручку и старался заверить, что он не выпил из башимачка только потому, что пили все из него. — А если бы вам одному пришлось выпить? — Заранее ничего не могу сказать вам, но, может быть, и выпил бы один глоток, так как вина по молодости своих лет я пить

еще не научился. – **И действительно**, Александр Сергеевич вина никогда не пил, почему за обедом кавказские барыни, смотря на него, как на юношу, из шалости заставляли пить кахетинское из чайной ложки, сами вливая ему в рот. [В.А. Шомпулев. Быль из прошлого (1897-1908)].

— Прелесть! — отвечал он. — А как её зовут? — "Её зовут Бэлою", — отвечал я. **И точно**, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза чёрные, как у горной серны, так и заглядывали нам в душу. [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)].

— Будь он у меня в эскадроне, — говорил Илья Петрович, — Я бы его! показал бы ему Петра Петровича! Такая разнобоярщина, — в ус не дуют, грубияны! . До обеда, я чай, не успеешь выкупаться, а жара, братец, такая, что чёрт знает, хоть целый день в воде сиди! **И точно**, в тот год с июля месяца сделались необычайные жары, о чём сказано было, впрочем, и в "Брюсовом календаре" [И. И. Панаев. Раздел имения (1850-1860)].

В романе «Анна Каренина» Л.Н. Толстой создает «диалог» взглядов либеральной партии и мнения героя (Облонского), одновременно сообщая авторскую оценку ситуации:

Степан Аркадьич не избирал ни направления, ни взглядов, а эти направления и взгляды сами приходили к нему, точно так же, как он не выбирал формы шляпы или стуртука, а брал те, которые носят. ... Если и была причина, почему он предпочитал либеральное направление консервативному, какого держались тоже многие из его круга, то это произошло не оттого, чтоб он находил либеральное направление более разумным, но потому, что оно подходило ближе к его образу жизни. Либеральная партия говорила, что в России все дурно, **и действительно**, у Степана Аркадьича долгов было много, а денег решительно не доставало. Либеральная партия говорила, что брак есть отжившее учреждение и что необходимо перестроить его, **и действительно**, семейная жизнь доставляла мало удовольствия Степану Аркадьичу и принуждала его лгать и притворяться, что было так противно его натуре. Либеральная партия

говорила, или, лучше, подразумевала, что религия есть только узда для варварской части населения, и действительно, Степан Аркадьич не мог вынести без боли в ногах даже короткого молебна ... Итак, либеральное направление сделалось привычкой Степана Аркадьича, и он любил свою газету, как сигару после обеда, за легкий туман, который она производила в его голове.

В субъектной перспективе этого фрагмента три субъектных сферы: либеральная партия, Степан Аркадьич и автор. Именно автор соединяет две субъектных сферы: сам Облонский не задумывался над выбором политического направления. Модусный предикатив в этом фрагменте занимает фиксированную позицию между двумя диктальными составляющими и обнаруживает диалогическое взаимодействие (согласие) двух субъектных сфер. Возможное согласие Степана Аркадьича не возникает в данный момент художественного времени, поскольку фрагмент принадлежит информативному регистру.

В условиях репродуктивного регистра при изначальном совпадении точек зрения наблюдателя и говорящего вводные слова «точно», «действительно», «в самом деле» отмечают «визуальную» точку зрения героя в тексте, однако после союзно-модусного показателя репродуктивность соединяется с ментальным модусом:

*Вместе с Анной Сергеевной вошел и сел рядом молодой человек с небольшими бакенами, очень высокий, сутулый; он при каждом шаге покачивал головой и, казалось, постоянно кланялся. Вероятно, это был муж, которого она тогда в Ялте, в порыве горького чувства, обозвала лакеем. **И в самом деле**, в его длинной фигуре, в бакенах, в небольшой лысине было что-то лакейски-скромное, улыбался он сладко, и в петлице у него блестел какой-то ученый значок, точно лакейский номер. [А. П. Чехов. Дама с собачкой (1899)]*

В предложении с невыраженной модусной рамкой и одним субъектом диктума модусный предикатив выражает таксисные отношения (временную последовательность), играя при этом роль конкретизатора союза.

Вспомнив, что король подарил ему конопляное зерно, он поспешно бросился к своему платью и **действительно** нашёл в кармане бумажку, в которой завернуто было конопляное семечко [А.Погорельский. Черная курица].

— «А под каким градусом лежит Пальма?» — «Подите посмотрите сами на карте». Я не пошел, зная, что он скажет. **И в самом деле**, сказал. «Под 27°. Ведь с вами же вчера целый час толковали» [И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)]

— Но как этого достигнуть? — думал Шумский **и, конечно**, ничего придумать не мог. [Е.А. Салиас. Аракчеевский сынок (1888)]

В следующем примере союз и модусный предикатив маркируют смену коммуникативного регистра: информативный меняется на репродуктивный:

*Хотя в её косвенных взглядах я читал что-то дикое и подозрительное, хотя в её улыбке было что-то неопределённое, но такова сила предубеждений: правильный нос свёл меня с ума; я вообразил, что нашёл Гетеву Миньону, это причудливое создание его немецкого воображения, — **и точно**, между ими было много сходства: те же быстрые переходы от величайшего беспокойства к полной неподвижности, те же загадочные речи, те же прыжки ,странные песни. [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)]*

Информативный регистр в прямой речи и репродуктивный после союза:
*Скоро я заметил, то ко мне в комнату беспрестанно западали какие-то слабые отсветы. Я приподнялся и глянул в окно. Переплет его четко отделялся от таинственно и смутно белевших стекол. «Гроза», — подумал я, — **и точно**, была гроза, но она проходила очень далеко, так что и грома не было слышно; только на небе непрерывно вспыхивали неяркие, длинные, словно разветвленные молнии: [И. С. Тургенев. Первая любовь (1860)]*

Возможна и смена субъекта сознания: сначала мы видим героиню глазами персонажа (Ионыча), далее идет авторское представление точки зрения героини:

*«Сколько воспоминаний! Мне казалось, что мы будем говорить с вами без умолку, до утра». Теперь он видел близко ее лицо, блестящие глаза, и здесь, в темноте, она казалась моложе, чем в комнате, и даже как будто вернулось к ней ее прежнее детское выражение. **И в самом деле**, она с наивным любопытством смотрела на него, точно хотела поближе разглядеть и понять человека, который когда-то любил ее так пламенно, с такой нежностью и так несчастливо; ее глаза благодарили его за эту любовь. [А. П. Чехов. Ионыч (1898)]*

Автор может подтверждать мнение и предположение героя:

Ростов сделался не в духе тотчас же после того, как он заметил неудовольствие на лице Бориса, и, как всегда бывает с людьми, которые не в духе, ему казалось, что все неприязненно смотрят на него и что всем он мешает. И действительно, он мешал всем и один оставался вне вновь завязавшегося общего разговора. [Л. Н. Толстой. Война и мир. Том второй (1867-1869)]

*.... «Давно бы уж ему быть фейерверкером, коли бы не караактер его», говорили про него солдаты. **И действительно**, странный у него был характер... [Л. Н. Толстой. Рубка леса. Рассказ юнкера (1855)]*

*Целых шесть лет сряду город не горел, не голодал, не испытывал ни повальных болезней, ни скотских падежей, и граждане не без основания приписывали такое неслыханное в летописях благоденствие простоте своего начальника, бригадира Петра Петровича Фердыщенко. **И действительно**, Фердыщенко был до того прост, что летописец считает нужным неоднократно и с особенною настойчивостью остановиться на этом качестве, как на самом естественном объяснении того удовольствия, которое испытывали глуповцы во время бригадирского управления. [М. Е. Салтыков-Щедрин. История одного города (1869-1870)]*

— Кажется, славная личность! — с некоторым жаром ответила Авдотья Романовна, начиная опять ходить взад и вперед по комнате. Почти через час

раздались шаги в коридоре и другой стук в дверь. Обе женщины ждали, на этот раз вполне веруя обещанию Разумихина; и действительно, он успел притащить Зосимова. [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)] [омонимия не снята]

Модусно-союзная связь (в другой терминологии «иллокутивная») в подобных примерах выполняет двойную функцию: модусный предикатив «работает» как средство членимости, как маркер «монтажного шва», а союз – как средство связности в текстах синтагматической прозы, для которой союзы являются основным средством связности текста. Модусная сущность связи позволяет присоединять слово рассказчика к слову героя, то есть объединять в одной линейной последовательности союзными связями модусы, принадлежащие субъектам разных рангов.

Заключение

Проведенное исследование показало, что вводное слово – это модусный предикатив, обладающей большей или меньшей подвижностью по отношению: (1) к диктальной части высказывания; (2) по отношению к союзу. Фиксированная позиция модусного предикатива создается либо подчинительным союзом (*правда, что,...; точно, что...*), либо сочинительным (*и правда...; и действительно*). Фиксированная позиция по отношению к союзу создает фиксированную позицию по отношению к диктальной предикативной части.

2) Соединение союза *И* и модусного предикатива допускает потенциально три типа соотношений:

(1) союз свободен от модусного предикатива; модусный предикатив не занимает фиксированной позиции при союзе и имеет возможность двигаться, то есть является вводным словом; вводное слово может быть опущено без изменения смысла полипредикативного предложения;

(2) модусный предикатив занимает фиксированную позицию при союзе, хотя есть семантическая возможность употребления союза без модусного предикатива, но при опущении модусного предикатива изменяется смысл высказывания (выражаются другие синтаксические отношения);

(3) модусный предикатив занимает фиксированную позицию при союзе, при опущении модусного предикатива предложение становится бессмысленным.

Основное внимание было уделено третьему типу, который является средством синтагматического соединения текстовых композитивов. В сложной структуре образа автора переход от одной точки зрения к другой выражается целым репертуаром языковых средств. Модусные предикативы имеют возможность употребляться и в собственно вводной позиции, и в качестве средств связи, маркируя при этом переход от одного композитива к другому.

Были рассмотрены два семантических типа модусных предикативов, для которых возможно взаимодействие с сочинительным союзом И. Модусные предикативы первого типа (*действительно* и др.) предполагают анафорическую модусную связь с предшествующим контекстом. Они образуют собственно иллокутивные конструкции, когда без союзно-модусного показателя соединение между двумя предикативными частями невозможно, и каузативно-иллокутивные, в которых на причинно-следственные отношения накладываются модусные.

Модусные предикативы типа «конечно» апеллируют к пресуппозитивному знанию говорящего. В отличие от предикативов первой группы, они выполняют функцию вводного слова и не прикрепляются к сочинительному союзу. Предикативы типа «конечно» могут соединять и противопоставленные по смыслу предикативные единицы, то есть функционировать как усилитель присоединительной связи.

Исследование показало перспективность соединения синтаксического анализа сложного предложения и анализа связного текста. В русской синтагматической прозе XIX в. средства связности преобладали над средствами членимости, что проявилось и в синтаксических свойствах

модусных предикативов.

Список литературы

Академическая грамматика. 1980 <http://www.rusgram.narod.ru>

Академическая грамматика. т. II. – М., 1960

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика. – М., 1995

Ю. Д. Апресян Типы соответствия семантических и синтаксических актантов. // Проблемы типологии и общей лингвистики. – СПб., 2006, с. 15-27

Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. – М., 2010.

Арутюнова Н.Д. К проблеме связности прозаического текста. // Памяти В.В. Виноградова. – М., 1971. С. 22-30.

Арутюнова Н.Д. О синтаксических типах художественной прозы. // Общее и романское языкознание. – М., 1972. С. 189-199.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М., 1988

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М., 2002

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955

Баранов А. Н., Кобозева И. М. Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенциональности. – М., 1988. С. 45–69.

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. – М., 1993.

Белошапкина В.А. Сложное предложение в современном русском языке. – М., 1967.

Белошапкина В.А. Современный русский язык. – М., 1997

- Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. – М., 1996
- Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. – М., 1998
- Вежбицка А. Метатекст в тексте. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. – М., 1978, с. 402-421.
- Виноградов В.В. Русский язык. – М., 2001
- Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. // Исследования по русской грамматике: избранные труды. – М., 1975. С. 53-87.
- Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы». // Избранные труды. О языке художественной прозы. – М., 1980. с.176-240.
- Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. // Семантическая структура слова – М., 1971, с.78-95
- Гак В.Г. О категориях модуса предложения. //Предложение и текст. Межвузов. темат. сб., – Калинин, 1978, с. 19–26
- Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М., 2000.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981
- Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. – М., 2003
- Дымарский М.Я. К типологии синтаксических связей (на материале русского языка). // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации. - М., 2013, с. 57-91
- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
- Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М., 2000
- Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973
- Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 2001
- Иорданская Л. Н. Семантика русского союза РАЗ (В сравнении с некоторыми другими русскими союзами). // Russian Linguistics. 1988. Vol. 12. сс. 239-267.
- Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007.

- Кершиене Р.Б. Сложносочиненные предложения. // Структура предложения в истории восточнославянских языков. – М., 1983
- Киселева К., Пайар Д. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. // Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. – М., 2003
- Кодзасов С.В. Интонация предложения с дискурсивными словами. Группы: *едва ли, действительно, вообще, совсем, прямо*. // Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. – М., 1993.
- Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М., 2000
- И. М. Кобозева, Л. М. Захаров Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка. // Доклады международной конференции «Диалог-2004», с. 292-297
- Коммуникативная грамматика. Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М., 2004
- Кругосвет. Онлайн-энциклопедия. – www.krugosvet.ru
- Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. – М., 1988
- Кручинина И. Н. Сочинительная связь и эмпфаза. // Язык: система и функционирование. М., 1988, с. 78-112
- Кузнецова С.М. Из истории изучения вводных слов (вопросы терминологии). // Материалы XIX международной молодежной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»
http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/structure_27_1901.htm
- Кузнецова С. М. Между прилагательным и наречием (к вопросу о грамматическом статусе вводных слов на -но). // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11. Ч. 1. С. 89-94
- Кун Т. Структура научных революций. Пер. с англ. Сост. Кузнецов В.Ю. – М., 2003
- Лингвистика конструкций. Ответственный редактор Е.В. Рахилина. – М., 2010.
- Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. – М., 1986

- Ляпон М.В. Структура отношения и ситуативные условия его реализации в сложном предложении. // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. – М., 1982, с. 63-77
- Ляпон М. В. Семантика реляционных единиц и их словарное толкование. // Словарные категории. – М., 1988, с.78 - 83.
- Онипенко Н.К. Идея субъектной перспективы в русской грамматике. // Русистика сегодня. – М., 1994, № 3, с. 56-71
- Онипенко Н.К. Теория коммуникативной грамматики и проблемы системного описания русского синтаксиса. // Русский язык в научном освещении №2 (2001), М., с. 107
- Онипенко Н.К. Вводные слова (для проекта Русская корпусная грамматика). *В печати.*
- Пайар Д. ПРАВДА как дискурсивное слово: гарант и точка зрения. // Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. – М., 2003
- Падучева Е.В. Эгоцентрическая семантика союзов *А* и *НО*. // Славянские сочинительные союзы. – М., 1997, с. 36-47.
- Падучева Е.В. Наблюдатель: типология и возможные трактовки. // «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». 2006, с. 403-413
- Падучева Е.В. Семантические исследования. – М., 1996
- Пекелис О. Е. Сочинение и подчинение в контексте причинной семантики. // Автореферат диссертации к. филол. н. – М., РГГУ, 2009
- Пешковский А. М. Избранные труды. – М., 1959.
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 2009
- Полянский С.М. Таксис – относительное время – эвиденциальность (к проблеме критериев разграничения). // Сибирский лингвистический семинар. Новосибирск, 2001, № 2, с. 23-35
- Попова И.А. Сложносочиненное предложение в современном русском языке. // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М., 1950, с. 355-396.
- Поспелов Н.С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке. // Ученые записки МГУ. Вып. 137. Кн. 2. – М., 1948, с. 31-41.

- Поспелов Н.С. О грамматической природе сложного предложения. // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М., 1950, с. 321-337
- Прияткина А.Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка). // Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц. Межвузовский сборник научных трудов. Елец, 2002, с. 334-343.
- Рахилина Е.В., Кузнецова Ю.Л. Введение. Грамматика Конструкций: теории, сторонники, близкие идеи. //Лингвистика конструкций. Отв. ред. Е. В. Рахилина – М., 2010
- Русская корпусная грамматика: rusgram.ru
- Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. – М., 2008
- Санников В.З. Русские сочинительные конструкции (Семантика. Прагматика. Синтаксис). М., 1989
- Санников В.З. Иллокутивное употребление или синтаксический эллипсис? // Русский язык в научном освещении. № 2 (10). – М., 2005. С. 121—136
- Сидорова Е.Г. Присоединительные конструкции в системе современного русского языка. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2012. № 2 (16), – Волгоград, с. 57-62
- Серль Дж. Классификация иллокутивных актов. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXVII. Теория речевых актов. – М., 1989.
- Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. – М., 1957
- Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. – М., 1981
- Теньер Л., Основы структурного синтаксиса. Пер. с франц., – М., 1988
- Теория функциональной грамматика: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. – М., 2011
- Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. – М., 2001
- Типология таксисных конструкций. – М., 2009
- Типология результативных конструкций: результатив, статив, пассив, перфект – С-Пб., 1983

- Урмсон Дж. О. Парентетические глаголы. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М., 1985
- Урысон Е. В. Союзы, коннекторы и теория валентностей. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции ДИАЛОГ 2012. Выпуск 11, Том 1 с. 4-22
- Урысон Е. В. Русские составные союзы: возможности композиционного семантического анализа. // Научное наследие В.Г. Адмони и современная лингвистика. – С-Пб., 2009, с. 253-256
- Урысон Е.В. Синтаксические свойства союзов и теория валентностей. // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. / Сборник статей в честь Е. В. Падучевой. – М., 2008
- Успенский Б.А. Поэтика композиции. – М., 1970
- Чжан Юйпин Омонимия русских субъектных синтаксем (на фоне китайского языка). Автореферат диссертации к. ф. н., – М., 2008
- Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987
- Шахматов А.А Синтаксис русского языка. – М., 2001
- Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения. // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. – М., 1973
- Шведова Н.Ю. Опыт описания типов сообщения в опоре на дейктические единицы языка (*делать – делаться – иметь место – каково*). // Русский язык в научном освещении №2 (2001) – М., с. 40-67
- Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957
- Щерба Л.В. О частях речи в русском языке. // Языковая система и речевая деятельность. – М., 1974
- Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. – М., 1976
- Шмелева Т.В. Компоненты синтаксической связи // Традиционное и новое в русской грамматике. – М., 2001. С. 66-80.

Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». // Красноярск, 1994

Шмелева Т.В. Модус и средства его выражения в высказывании. // Идеографические аспекты русской грамматики. – М., 1988

Шувалова С.А. Типы сопоставительных отношений между частями сложного предложения. // Идеографические аспекты русской грамматики. – М., 1988

Шувалова С.А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. – М., 1990

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972, с. 101.